

А. Фелькерзам

**Старинные ковры Средней
Азии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Фелькерзам**
Старинные ковры Средней Азии / А. Фелькерзам – М.: Книга по Требованию,
2013. – 80 с.

ISBN 978-5-458-65929-1

ISBN 978-5-458-65929-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Музея Александра III, но пока оно еще недоступно публике. Оно представляет собою богатейшее в мире собрание этого рода и впоследствии явится неисчерпаемой сокровищницей для исследователей. В настоящее время лишь небольшая часть этих сокровищ, — именно собрание генерала Боголюбова, принесенное им в дар музею, — издана в красках. Однако, это в высшей степени роскошное и ценное издание, доступно лишь немногим; оно снабжено прекрасной картой, показывающей индустриальное распространение коврового производства в Средней Азии.

Ковровое производство Востока представляет собою одну из древнейших форм художественного творчества, и притом одно из самых ранних, чуть ли не доисторических, занятых исключительно женщинами. «Смита цивилизации, эпохи грозных истреблений, великие мировые события — все это отражалось в той или другой мере на различных отраслях труда и творчества человечества. Один из этих отраслей исчезли совершенно, уступая место новым формам, другие видоизменились настолько, что либо обезличивались, либо сохраняли самую слабую, едва заметную связь с прежними. Но ковровое производство среди всего этого представляет драгоценное исключение в историческом и художественном отношении. В этом производстве, со времени его начала почти без изменений дожившем, в отношении техники, до наших дней, как в священном сосуде скопились драгоценные капли художественного творчества народов всех эпох и цивилизаций, сбиравшихся на широкой арене Востока. Из приходящих друг другу другу на смену народов, каждый приносил свою дань в художественность коврового производства. Победитель не гасил духа побежденного. Письмо и художественность в ковровом производстве — те формы, в которых укладывались со времени сдвиг старинной эстетики народа и их внутренний мир. Если письмо погасло восторгом за угасшими народами, создавшими ее, и скрылось от нас в туман далекого прошлого, то зато в орнаментах ковров, в сочетаниях красок, перешагнувших в нам из порога веков и тысячелетий, раздается разнородными отголосками эхо художественного творчества былого, твердо устоявшего против натиска всеуничтожающего неумолимого времени». «Таким бессознательным ощущением, надо полагать, в известной мере объясняется притягательная сила, которую испытывают старинные восточные ковры не только для любителей и собирателей, но и для научного исследователя. Кто хоть раз подпадет под эти чары, тот уже не уйдет от них, как бы ни старался; и это несмотря на трудности полного освещения сущности и исторического развития старинного восточного ковра, а может быть именно вследствие их. Вполне справедливо говорит А. Ригль: "пусть укажут другую область художественной промышленности, для правильного понимания которой требовалось бы такое множество разнообразных познаний". И в самом деле, для решения всех встречающихся здесь вопросов нужны естественники, техники, историки искусства, историки, географы и художники.

* Н. Бурдуков, каталог его собрания на выставке 1904 г.

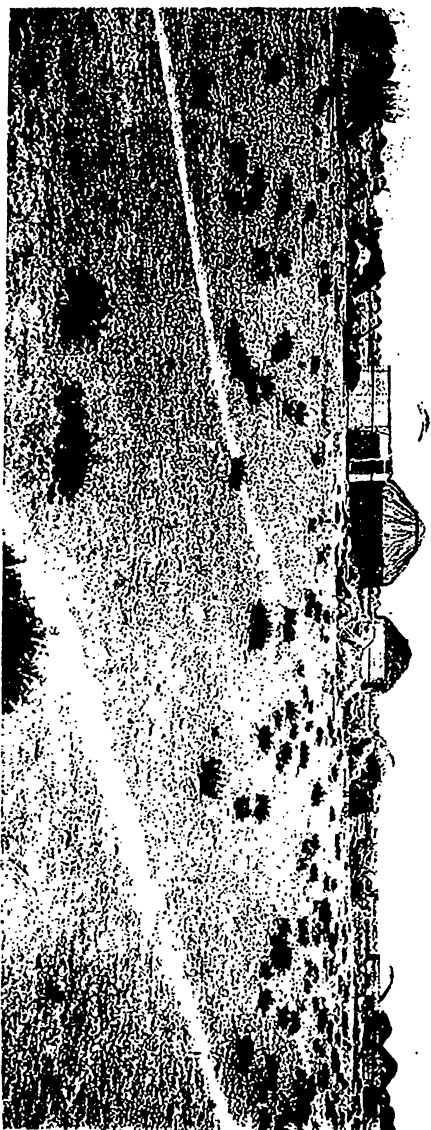
** A. Riegl: «Ein orientalisches Teppich vom Jahre 1202».

Поразительное разнообразіе и красота старыхъ восточныхъ ковровъ находятъ свое объясненіе, главнымъ образомъ, въ томъ, что почти всѣ они являются произведеніями домашняго труда и предназначались исключительно для собственнаго домашняго обихода; притомъ изготавляли ихъ не спѣша, безъ мысли о скорѣйшей наживѣ, не стѣнясь требованіями заказчика. Такая свобода въ работѣ, границы которой опредѣлялись лишь предѣлами знанія и умѣнія исполнителей, давала тотъ просторъ творчества, какой мы встрѣчаемъ лишь на Востока почти до нынѣшняго времени. Бездорожье и трудность сообщеній, племенная обособленность и различіе языковъ являлись причинами локализаций вкусовъ, традицій и художественныхъ направленій; упорная приверженность къ стародавнимъ обычаямъ и привычкамъ, консервативное направление духовнаго міра въ связи съ суевѣрными предрасудками, климатическія условія, релігіозныя воззрѣнія, склонность къ символизму и мистикѣ — вотъ тѣ факторы, благодаря которымъ число вариаций возрастаетъ до безконечности. Вліяніе ихъ, замѣтное во всѣхъ отрасляхъ творчества Востока, особенно ярко сказывается въ ковровомъ производствѣ. Неотразимое очарованіе гармоническаго сочетанія красокъ, причудливаго орнамента и, наконецъ, самого матеріала, одинаково ласкающаго глазъ и осязаніе, дѣйствуетъ успокаивающимъ и умиротворяющимъ образомъ на душу, — по крайней мѣрѣ на душу того, кто вообще достигъ подобныхъ чувствъ и нуждается въ нихъ. Именно эта невещественность, кажущаяся случайность въ сочетаніи линий и красокъ, эти аккорды и гармоніи красокъ и формъ, являются, да позволено будетъ такъ выразиться, музыкой для глазъ и не встрѣчаются ни въ какомъ иномъ проявленіи творчества столь свободными отъ всякой преднамѣренности, направляющей наши мысли и чувства; а въдь и живопись, даже въ прекраснѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, и поэзія неизбѣжно направляютъ опредѣленными образомъ мысли и чувства наши уже самыми своими сюжетами. Но не всякому дано понимать эту зрительную музыку; только подготовленному, только посвященному открывается вся тайная прелесть ея, и лишь онъ узавлываетъ въ ней незатуманенное человѣческими страстями и слабостями чарующее отраженіе иного міра, радостнаго и спокойнаго какъ музыка, какъ пѣснь безъ словъ; гармоническія сочетанія красокъ и линий даютъ настроеніе, оплодотворяютъ фантазію и вызываютъ въ душѣ рой неясныхъ думъ. Недаромъ англичане, — у которыхъ на ряду съ выдающимися практическимъ смысломъ и трезвымъ умомъ много эстетическаго чутія, въ фантазій и поэтическомъ творествѣ которыхъ за наружнымъ спокойствіемъ и даже холодностью часто таится столько страсти и вѣжности чувства, — являются первыми почитателями, любителями и собирателями восточныхъ ковровъ. Немуудрено, что именно они пустили въ обиходъ терминъ «ковровая болѣзнь» для обозначенія той, переходящей иногда прямо въ страсть, любви къ коврамъ, которая такъ часто наблюдается у ихъ побывавшихъ на Востока соотечественниковъ. Кому хоть разъ случалось побывать въ большомъ складѣ ковровъ въ Европѣ, напримѣръ, въ Константинополѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Петроградѣ, Лейпцигѣ, или въ Азіи, въ Смирнѣ, Шяфхисѣ, Асхабадѣ, Бухарѣ, Делѣ и

Технически женщины за ткачество
большого ковра.

Femmes Tâché lissant un grand
tapis.

Capucella sopra orcoo Tassidamp.

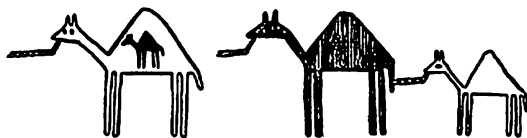
Vuorta (centro) de aarja pññ Takhjbanar.

т. д., тотъ инаирию вначалѣ вынесѣ впечатлѣніе невозможности разобратъ въ этой массѣ различныхъ орнаментовъ, въ этомъ разнообразіи сортовъ и названій. На первый взглядъ кажется, будто чуть ли не въ каждомъ ноломъ ковръ столько своеобразнаго, будто онъ такъ не похожъ на предыдущіе, что мысль объ опредѣленіи ихъ по мѣсту и времени представляется совершенно безнадежною. На самомъ дѣлѣ, однако, при ближайшемъ ознакомленіи даже новичекъ быстро осваивается, научается отличать отдѣльныя группы, и кажущееся безконечное разнообразіе ковровъ по краскамъ, рисунку и технике сокращается значительно.

До настоящаго времени на западъ отъ линіи Шифлисъ — Москва — Петроградъ въ торговлю подъ названіемъ «бухарскихъ» поступаетъ весьма пестрая по составу группа ковровъ (мы имѣемъ въ виду преимущественно старинныя). Иногда торговцы и некоторыя сортамъ даютъ еще отдѣльныя названія, напримѣръ, «Кашгаръ», «Хотанъ» или «Теке», что еще увеличиваетъ путаницу, такъ какъ названія эти произвольны. При посѣщеніи даже наиболѣе значительныхъ ковровыхъ фирмъ, каждый разъ приходится убѣждаться въ томъ, что сами торговцы мало знаютъ о своемъ товарѣ. Ничего кромѣ ходячихъ обозначеній: персидскій, бухарскій, смирнскій и т. д. они не въ состояніи сообщить о имѣющихся у нихъ старинныхъ коврахъ, а если и извѣстны имъ мѣста выдѣлки разныхъ типовъ, то все же торговые интересы всегда заставляютъ не указывать ихъ, за исключеніемъ общезвѣстныхъ центровъ производства. Въ Европѣ повсемѣстно ошибочно принимаютъ эти обозначенія за названія мѣстъ производства и считаютъ такіе ковры издѣліемъ бухарцевъ, хотанцевъ или кашгарцевъ. Это, однако, безусловно неправильно. Бухарцы, т. е. сарты и таджики, сами ковровъ не производятъ, а лишь вышивки и нѣчто вродѣ аппликаціи по шелку, холсту, шерсти и бумагѣ. Правда, техника эта весьма древняя, такъ какъ уже въ 1403 г. испанецъ Клавио (Clavijo) упоминаетъ о ней въ своемъ описаніи, но съ выдѣлкой ковровъ она ничего общаго не имѣетъ. По же относителю и къ Хотану и Кашгару. И тамъ ковровъ не дѣлаютъ, такъ какъ смѣшанное полукитайское населеніе этихъ мѣстностей, а въ частности самихъ городовъ этихъ, совершенно незнакомо съ техникой ковроваго производства. Бухара, Кашгаръ и Хотанъ являются лишь складочными и торговыми пунктами для всевозможныхъ товаровъ Средней Азіи, среди которыхъ за послѣдніе 30 лѣтъ ковры занимаютъ весьма важное мѣсто. Такъ какъ товары изъ болѣе восточныхъ Кашгара и Хотана направляются черезъ Бухару, то они часто уже здѣсь теряютъ свои названія и въ Европѣ весь закаспійскій товаръ шель, а часто и пошылъ идетъ, подъ общимъ названіемъ «бухарскаго». Въ дѣйствительности же, все ковровое производство Средней Азіи, какъ въ древности, такъ и нынѣ, раздѣляется по происхожденію своему на три главныя группы и находится въ рукахъ исключительно кочевыхъ племенъ. Эти племена — туркмены, киргизы и узбеки (племя родственное киргизамъ). Къ этимъ тремъ главнымъ группамъ слѣдуетъ еще прибавить афганскіе и нѣкоторые сѣвероперсидскіе ковры и, наконецъ, еще извѣстныя подъ названіемъ «белуджистскихъ» ковры Белуджистана, * которые отчасти

* Такъ называемыя «парчи».

направляются на сѣверъ. Этими тремя главными группами ковровъ, производящихся въ предѣлахъ Россійской Имперіи, мы займемся подробно.

Стилизованные верблюды въ ковровомъ орнаментѣ.
Figures de chameaux stylisées.

Пути торговли и караванныхъ дороги Средней Азіи остались тѣ же нынѣ, какъ и въ древности. Одинъ изъ нихъ идетъ изъ Бухары, и черезъ Казалинскъ и Оренбургъ ведетъ пустыней и степью въ Россію. Онъ существуетъ уже много вѣковъ, а быть можетъ и нѣсколько тысячъ лѣтъ. Уже въ 1344 г. Ибнъ Батута совершилъ путешествіе съ Урала въ Бухару, причемъ вѣхалъ вначалѣ на арбѣ, сперва съ конной, затѣмъ съ верблюжьей тягой, а затѣмъ и верхомъ на верблюдахъ. Шопары, направлявшіеся въ Бухару изъ Индіи, также шли обычнымъ неизмѣннымъ путемъ черезъ Афганистанъ; этотъ путь шелъ изъ Пешавара черезъ Кабулъ и Кашгаръ. Лишь когда въ Афганистанѣ бушевали возстанія, направленіе это временно замѣнялось другимъ черезъ Бендеръ, Абассію, Мешхедъ, Гератъ и Керки. На основаніи русскихъ посольскихъ отчетовъ намъ извѣстно, что уже около 1600 г. въ Астрахани былъ бухарскій каравансарай. Керки, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, имѣетъ для насъ важное значеніе, какъ одинъ изъ крупныхъ центровъ производства. Въ средніе вѣка, и даже раньше, среднеазиатскіе товары шли еще черезъ Персію на Пропезундъ, бывший однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ торговыхъ городовъ съ X и до XV вв.; отсюда они направлялись уже моремъ въ Европу. Путь черезъ Каспійское море на Баку — Шифлисъ — Батумъ, конечно, совсѣмъ новаго происхожденія.

Хотя мы съ увѣренностью можемъ предположить, что употребленіе ковровъ распространено, особенно среди живущихъ въ кибиткахъ кочевыхъ племенъ, уже не меньше двухъ тысячъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе наше знаніе деталей, орнамента и техники, словомъ болѣе подробное и обширное знакомство съ коврами, представляется весьма неполнымъ и отрывочнымъ. Мы взяли на себя трудъ внимательно просмотрѣть въ этомъ отношеніи большое число описаній путешествій по Средней Азіи, начиная съ наиболѣе старинныхъ, причемъ впервые использованы были и русскіе источники. Постоянныя передвиженія племенъ, опустошительныя войны, которыя вели другъ съ другомъ народы Средней Азіи, расовая борьба, театромъ которой являлся этотъ край, оставляли здѣсь сполна разрушительные слѣды и дѣлали почти невозможнымъ посѣщеніе этихъ странъ европейцами и ознакомленіе ихъ съ этимъ далекимъ сказочнымъ міромъ. Какъ извѣстно, найденная въ Перчпискихъ развалинахъ гранитная плита съ монгольской надписью, разобранный академикомъ Шмидтомъ въ Петроградѣ, представляетъ собой единственный дошедшій до насъ памятникъ Чингисъ-хана. Ею увѣковѣчивалось поко-

ренію царства Саргаголь (Каракитай) и относится она къ 1219 — 20 гг. Надо думать, что лишь въ азіатскомъ коврѣ до насъ дошли еще нѣкоторыя формы изъ той эпохи, передающія намъ послѣднее воспоминаніе о великомъ погибшемъ царствѣ Чингисъ-хана.

У Марко Поло, знаменитаго путешественника, посѣтившаго Дворѣ Чингисъ-хана, упоминается о коврахъ, но, къ сожалѣнію, не имѣется описанія хотя бы одного изъ нихъ. Но на основаніи встрѣчающихся уже съ XV в. въ италіанской живописи точныхъ копій восточныхъ ковровъ, мы знаемъ, что таковыя, во всякомъ случаѣ въ типахъ милозіатскихъ, персидскихъ и среднеазіатскихъ, претерпѣли съ тѣхъ поръ лишь самыя незначительныя измѣненія и поэтому вполне допустимо предположеніе, что и въ болѣе раннее время общій характеръ орнамента былъ почти такимъ же. Это относится, главнымъ образомъ, къ коврамъ кочевниковъ, такъ какъ парадныя ковры, конечно, находились подъ вліяніемъ моды; по крайней мѣрѣ, въ нихъ ясно отражается нѣсколько разныхъ стилей. По этому вопросу столько уже писалось, что мы не станемъ утруждать читателя повтореніемъ извѣстнаго и отсылаемъ его къ перечню литературы въ концѣ нашей статьи.

Въ области ковроваго производства наибольшій интересъ представляютъ не великобѣдные ковры Персіи, а именно ковры кочевыхъ народовъ, въ замкнутой средѣ которыхъ преемственно живѣтъ это искусство. Въ этихъ коврахъ есть особая прелесть; они находятъ живой откликъ въ эстетическомъ чутьѣ и чувствѣ стиля европейцевъ. Размѣры ихъ, правда, обыкновенно не велики, орнаментика часто кажется наивной и примитивной, но по технике своей они иногда приближаются къ лучшимъ издѣліямъ персидскимъ и не уступаютъ имъ въ колоритѣ. Подражаніе восточнымъ коврамъ началось уже очень давно. Средневѣковыя италіанскія и французскія копія стояли значительно выше современныхъ издѣлій этого рода, особенно въ отношеніи чувства стиля и присущей ему гибкости орнамента, а также и благодаря настоящимъ растительнымъ краскамъ, которыя, какъ извѣстно, давно уже вышли изъ употребленія въ Европѣ. Эти подражанія являются блестящими памятниками тонкаго и художественнаго чутья; качество ихъ было такъ превосходно, что они могли на самомъ Востокѣ конкурировать съ мѣстными издѣліями.

Въ настоящее время все это измѣнилось кореннымъ образомъ: скупщики и коммисіонеры изъ Англіи, Германіи и Америки въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ такъ успѣшно поработали, какъ въ Малой Азіи и Персіи, такъ и въ Средней Азіи, что тамъ почти не осталось предметовъ старинныя, но хуже того — они, въ качествѣ представителей европейскихъ фабрикъ, распространяя англизовыя краски, раздавая заказы на имитациі старинныхъ образцовъ, ухудшили качество, понизивъ тонкость и добротность матеріала, и вообще принесли ковровому производству Востока столько вреда и ущерба, что врядъ ли оно сможетъ оправиться. Наконецъ, въ самой Европѣ въ такихъ размѣрахъ производится поддѣлка восточныхъ ковровъ, что въ изобиліи ихъ утопаютъ и гибнутъ всѣ зачатки настоящаго искусства и промышленности. Отрадно хоть то, что въ поддѣлкѣ старинныхъ ковровъ пока не достигнуто почти никакихъ успѣховъ; навести «старину» на современные настоящіе ковры

тоже, повидимому, не удастся. Красота настоящего старого ковра растётъ съ каждымъ годомъ; наоборотъ, новый коверъ, поддланный подъ старину, только терлеть и удушается отъ времени. Всѣ приемы, применяемые для обманнаго навѣденія старины въ другихъ отрасляхъ художественной промышленности, какъ обработка всевозможными протравками, поднапичиваніе и запыленіе, тутъ, повидимому, ни къ чему не ведутъ. До сихъ поръ не удастся искусственно получить эту характерную очеровательную серебристость, являющуюся, вѣроятно, слѣдствіемъ разрушенія наружныхъ слоевъ отдѣльныхъ шерстинокъ. Шелковистость старыхъ ковровъ, прелесть оттѣнковъ ихъ окраски и некоторая мягкость всей ткани ихъ получаются только дѣйствіемъ времени и многихъ привходящихъ обстоятельствъ, которыя не удастся воспроизвести искусственно. Будемъ надѣяться, что въ этомъ направленіи современная техника надолго еще останется безсильною.

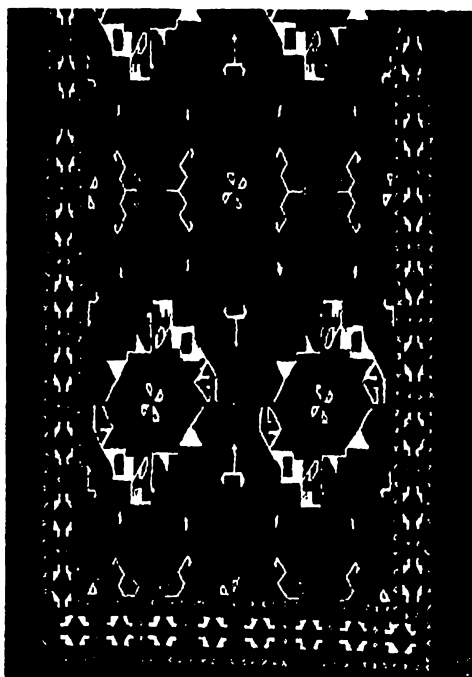
Стилизованные виды изъ ковровыхъ орнаментовъ.
Figures de bœufs stylisées.

Прежде чѣмъ обратиться къ подробному изученію коврового производства Средней Азіи, намъ слѣдуетъ нѣсколько ознакомиться съ устройствомъ этого общаго всѣмъ кочевникамъ жилища — кибитки, давшей главный толчокъ возникновенію ковровъ, и для разныхъ частей которой изготовляются особые, отличающіеся другъ отъ друга по формѣ и названіямъ, ковры. Шатеръ или кибитка, въ ея конусообразной, крышовидной или круглой формѣхъ, — весьма древняго происхожденія и является для всѣхъ народовъ Востока однимъ изъ первоначальныхъ типовъ жилища. Уже въ Ветхомъ Заветѣ неоднократно упоминается о шатрахъ съ указаніемъ вполне опредѣленныхъ деталей. Напр.: Кн. прор. Исаіи, 54, 2. «Распространи мѣсто шатра твоего, расширь покровы жилищъ твоихъ; не стѣсняйся, пусть длиннѣ верви твои, и утверди кольца твои».

Кибиткой пользовались въ походѣ или на охотѣ и осѣдлые народы Востока до послѣдняго времени. Уже въ древнѣйшемъ типѣ шатра мы находимъ остовъ изъ жердей, обтянутый тканями, образующими стѣны и кровлю. Веревки, которыя крѣпились къ кольямъ вокругъ шатра, придавали всему сооруженію устойчивость и защищали отъ порывовъ вѣтра. Въ конструкціи и планѣ кибитки всегда преслѣдовалась быстрота сборки и разборки ея, что, конечно, являлось крайне важнымъ моментомъ въ жизни кочевника, а также въ походѣ и на охотѣ. Сборка и разборка кибитки лежали почти исключительно на женщинахъ и требовали большого навыка и ловкости. Такимъ образомъ, отдѣльные семьи и даже цѣлыя племена могли въ кратчайшій срокъ мѣнять мѣстопробываніе. Изучая внимательно описанія кибитокъ, оставленные намъ Марко Поло (1230 г.), Плано Карпини (1246 г.), Клавино (1403 г.), Барбаро (1436 г.) и другими путешественниками средневѣковья, мы убѣждаемся,

что конструкція, способъ крѣпленія и внутреннее убранство кибитки остались тѣми же донынѣ; разница лишь въ томъ, что теперь имѣ не падать уже прежнихъ грандіозныхъ парадныхъ шатровъ восточныхъ кидзей или пышныхъ завѣсь изъ расшитыхъ тканей, которыми окружались и отгоражались отъ дѣльной части табора. Но, что мы теперь видимъ въ Средней Азій, представляется въ сравненіи съ прошлымъ весьма бѣднымъ и мелкимъ, несмотря на сходство и общность принципа. Нѣкогда тамъ стояли дѣлые города кибитокъ и были

постоящіе шатры-дворцы съ высокими просторными покоемъ, съ окнами и дверьми, съ крытыми галереями — вытянутыми въ длину шатрами, соединявшими одні кибитки съ другими, — съ пирами, верандами и вестибюлями. Всюду проскальзываетъ наивное подражаніе архитектурнымъ формамъ, желаніе придать постройкѣ видъ массивнаго каменнаго зданія; изъ матерій дѣлались даже зубчатые стѣны, которыя, вѣроятно, держались на рамахъ изъ легкихъ деревянныхъ планокъ. Главными врагами обитателей стоей являются солнце и вѣтеръ, въ гораздо меньшей степени дождь и холодъ, виду кратковременности зимы. Поэтому одной изъ первыхъ заботъ является защита отъ палящихъ солнечныхъ лучей; но легкія кибитки должны также обладать достаточной прочностью, чтобы противостоять свирѣпымъ бурямъ пустыни и тучамъ пыли и песка, которыя они поднимаютъ и несутъ съ собой; наконецъ, кибитка должна давать защиту жителямъ пустыни и ихъ домашнему скарбу отъ весьма чувствительнаго даже въ жаркую пору ночного холода, отъ продолжительныхъ зимнихъ и все смывающихъ грозныхъ ливней. Путемъ тысячелѣтняго опыта трудная задача эта на Востокѣ разрѣшена была въ совершенствѣ, несмотря на то, что она усложнилась

Деталь Техинскаго нафреча изъ Мерва.
Tapis (mafratch) de Téké (détail).

еще требованиями быстроты сборки и разборки и крайней ограниченности вѣса для кочевки.

Уже Горацій упоминаетъ о кибиткахъ на колесахъ у скивоновъ; впоследствии подобныя кибитки имѣли монголы; * кочевники Азіи перевозили свои кибитки на четырехколесныхъ арбахъ; ** у отдаленныхъ семей или у мелкихъ племенъ онѣ навьючивались также на лошадей и верблюдовъ. Какъ въ прежнія времена, такъ и нынѣ, у разныхъ племенъ кибитки покрываются разными матеріями; такое же разнообразіе наблюдается и въ формахъ самыхъ кибитокъ, въ которыхъ то имѣется выходное отверстіе для дыма, то его нѣтъ; выстѣ съ формой кибитки у разныхъ племенъ различно и расположеніе входа — у нѣкоторыхъ онѣ неизмѣнно обращены на югъ, у другихъ на востокъ или на западъ. *** У однихъ бока и верхъ кибитки обтянуты собачьими шкурами, у другихъ кошмой (войлокомъ), холстомъ или гладкими (пестриженными) коврами; столь же разнообразны цвѣты ихъ: то черный, то бѣлый, то, наконецъ, пестрый. Часто входъ завѣшивается ковромъ или вся кибитка опоясана ковровой полосой. Внутренность этихъ легкихъ построекъ обтягивается и украшается, въ зависимости отъ достатка хозяевъ и племенныхъ обычаевъ, кошами, зѣбринными шкурами, коврами или тканями. Полъ застланъ коврами, вдоль стѣнъ разставлены покрытые коврами ящики или же по стѣнамъ развѣшаны ковровыя сумы, заступающія мѣсто шкафовъ и служащія для храненія всевозможной утвари. Намъ трудно представить себѣ все великолѣпіе и роскошь убранства парадныхъ кибитокъ прежнихъ временъ, въ которомъ ковра занимали первое мѣсто. Чтобы читатель самъ могъ составить себѣ понятіе о такихъ великолѣпныхъ шатрахъ, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ изъ правдивыхъ описаній знаменитыхъ путешественниковъ. Пакъ, Марко Поло (1271 — 1323), описывая соколиную охоту у Кубылей-хана, въ которой онѣ самъ принималъ участіе, разсказываетъ слѣдующее: «Его Величество выѣзжаетъ на двухъ слонахъ, иногда, смотря по мѣстности, и на одномъ; обыкновенно же онѣ выѣзжаютъ на четырехъ (связанныхъ между собой), на спинахъ которыхъ возвышается удивительной работы деревянный шатеръ. Внутри онѣ обтянутъ парчей, а снаружи покрытъ львиными (т. е. тигровыми и барсовыми) шкурами. Въ этомъ шатрѣ Е. В. пребываетъ во время всей охоты, такъ какъ страдаетъ приступами подагры. При немъ всегда находятся 10 — 12 соколовъ и столько же приближенныхъ вельможъ». По окончаніи охоты ханъ отправляется къ такъ называемому «Какзарѣ-Модинѣ» — сборному пункту, гдѣ уже разбиты его шатры, шатры его сыновей, тѣлохранителей, знатнѣйшихъ сановниковъ, охотниковъ и т. д. «Шатровъ этихъ тысячъ десять и они представляютъ великолѣпное зрѣлище. Шатеръ Е. В., въ которомъ обыкновенно происходятъ приемы, такъ просторенъ, что вмѣщаетъ до десяти тысячъ человѣкъ. Входомъ онѣ обращены на

* Hammer-Purgstall и Rubruquis.

** Travels of Marco Polo, by Marsden, p. 214.

*** Rubruquis: Purchass Pilgr. V. III, p. 3; Plano Carpini; Josafat Barbaro, томъ I. Библиотека иностр. писателей о Россіи, СПб., 1836 г., Ambrosio Contarini, тамъ же.